

15 ДЕК 1985

ГОРЬКОВСКАЯ ПРАВДА

Мастера культуры

СЛУЖЕНИЕ ПРЕКРАСНОМУ

У АКТРИСЫ Горьковского театра драмы народной артистки РСФСР Эры Васильевны Сусловой наступили юбилейные дни — сорок лет на сцене, все в одном и том же театре. В такие дни у любого человека — сложное чувство радости и грусти, обступают воспоминания, у художника — все это вдвойне, острее, сильнее — итоги и новые надежды и планы.

Первое, что представляешь себе, когда речь идет об Эре Сусловой, — это редкая красота актрисы, которая не гаснет с годами, только меняет свой характер.

Сказала — и спохватилась: об этом говорить почему-то не принято, полагается стыдливо таить свое естественное, как сама жизнь, пристрастие к внешней, радующей глаз красоте людской.

А почему, собственно? Да, это «от бога», заслугой считаться не может, и когда просто демонстрируется, говорить об этом не стоит. Но трижды заслуга художника, когда он умеет превратить природное в инструмент искусства, художественного образа, заставить эстетическое служить средствам выражения идеи искусства, а значит, участия в жизни, влияния на нее. Это актриса умеет, вот главное.

Сорок лет героини Сусловой были молоды, красивы, женственны, обаятельны. Всегда при этом выступала сила актерского перевоплощения, позволяющая создавать полноценные человеческие характеры.

В личности самой актрисы есть обаятельное сочетание красоты с нравственным изяществом, что еще Салтыков-Щедрин считал главным и глубоким свойством народного характера. Светлое, оптимистическое, негромкое, надежное и сильное... Лучшим героиням актрисы невольно придаются эти ее человеческие свойства.

В репертуар актрисы входят самые разнообразные роли, классические и современные. Режиссерский выбор не всегда бывает мудрым; и есть в некоторых работах Э. Сусловой элемент случайности, приблизительности, как это почти неизбежно в таком сложном организме, как театр. Актрису в таких случаях выручает отличная актерская техника (что само по себе достаточно редкое явление), хотя, конечно, остается осадок, что роль «не своя». Играла Э. В. Суслова и Луизу в «Коварстве и любви»

Шиллера, Дездемону и леди Анну у Шекспира, и блистательную интриганку герцогиню Мальборо у Скриба.

Первые три роли — канонический рисунок образа, а вот герцогиня совсем не такая, что играли на сцене два с лишним века. Почувствовав стиль авторского и режиссерского решения, в основном гротескового, актриса сыграла женщину-игрока, азартного и нечистого на руку. Никаких терзаний поздней любви стареющей светской дамы — лишь спортивное стремление к первенству в любой игре, лишь удовольствие от злой словесной дуэли, от собственной дипломатической изворотливости. Рационализм образных решений, свойственный актрисе, здесь подошел как нельзя лучше.

Безошибочное чувство стиля помогает Эре Сусловой построить изысканный рисунок образа героини «Пролитой чаши» Ван Шифу, старинной китайской пьесы, сказочной Ширин в «Легенде о любви» Н. Хикмета, или испанской «дамы-невидимки» Кальдерона, Клеи-гречанки из «Эзопа» или образы современного бездушия и предательства в англо-американском духе в пьесах западных авторов «Юпитер смеется» и «Миссис Пайпер ведет следствие».

Помимо трезвого психологического анализа, отточенности в подаче текста здесь актрисе помогает все время правильное ощущение «зрелища» — старинное безошибочное правило, основательно подзабытое в современном

театре, где иной раз готовы играть на голой сцене, воображая, что «зритель поймет». А он не понимает, и хорошо делает! Театр есть театр. Актриса Эра Суслова удивительно чувствует атмосферу пьесы и передает ее пластически очень тонко.

Наиболее выразительно лучшие качества Эры Сусловой-актрисы выступали и выступают в сценических истолкованиях драматургии Горького, свойства которой — большая мысль, крупный характер, значительность конфликтов — вполне отвечают особенностям дарования актрисы. «Я начинаю с человека, — говорил Горький, — а человек начинается для меня с мысли (с речи), то есть с наиболее таинственного в нем». Процесс изображения мысли героя на сцене — самое трудное, но без этого нет стиля Горького. Умение создавать характерность в соединении с интеллектуальным планом образа — горьковская черта художника, особенно свойственная актрисе. Все крупные женские роли в горьковских пьесах на нашей сцене сыграны Э. Сусловой: Антонина («Егор Булычев и другие»), «Достигаев и другие»), Лидия («Сомов и другие»), Полина («Фальшивая монета»), Варвара Михайловна («Дачники»), Василиса («На дне»), Лидия («Варвары»), Полина Бардина («Враги»), и актриса умеет учиться у Горького постигать социальное в индивидуальном, философию образа.

Вот Антонина Достигаева, дочь купца-промышленника, богатая, образованная, томимая без дела и презирающая всякую работу, от увлечения декадентскими настроениями, рисовки, модничанья все больше и больше погружается в омут действительной тоски, страха перед жизнью, глубокого отчаяния. Будущего у нее нет, и сознание этого толкает девушку к самоубийству. Актриса не прощает свою героиню, показывает всю глубину ее душевного распада, уродливую отрешенность от действительности. У зрителя сложное чувство: и насмешка, и брезгливая какая-то, «душная» жалость к погибшему человеку, хоть и ясно, что здесь приговор истории справедлив и обжалованию не подлежит.

Ее Варвара Михайловна из «Дачников» — человек сдержанный, волевой, сильный, с подлинным интересом к жизни и к людям. Актриса показывает, как растет ее глубокое разочарование, охлаждение, презрение к «дачникам» и желание уйти от них и стать нужной для жизни. Плачет Варвара все более скорбно, растрачив последние иллюзии, надежды, и — в последнем акте — слезами освобождения. Весь рисунок образа безупречно точен и эстетичен: бледная, тоненькая, стройная, с пытливым вопросительным взглядом, чуть холодноватая, как светлый источник в жаркий день, движется по сцене, чуть касаясь земли, как-то мимо, мимо окружающих ее пошляков. Нечасто приходится видеть на сцене такое точное воспроизведение мысли Горького.

Довелось Э. Сусловой сыграть крупные роли и в советской драматургической классике, прежде всего Комиссара в «Оптимистической трагедии» Вишневского. Здесь она передает романтический и одновременно аскетически строгий характер, так сходный с прототипом образа — писательницей Ларисой Рейснер. Выразительна у нее также Панова в «Любови Яровой» Тренева.

В русской классике запомнились тургеневская Лиза в «Дворянском гнезде», Вера в «Обрыве» Гончарова, Анна Каренина в романе Л. Толстого. Объемность психологических характеристик, свойственная таланту Э. Сусловой, заставляет долго помнить ее создания.

В современном советском репертуаре ролей у актрисы множество, но много «проходных», со слабой драматургической, режиссерской, да отчасти и актерской разработкой (иной раз с бездарным текстом не совладать). Но иногда появляется благодарный материал: сложные характеры, что не поддаются однозначной оценке, женщины со своей тревогой и болью, с «защитной окраской», с «подтекстом», со «вторым планом» — Елена в «Забывтом друге» и Мария у А. Салынского, Фаина в «Веселом тракте» Б. Васильева, Лиза в пьесе Д. Гранина «Мэр города Лыкова» и люди прямого действия, решительные, строгие, преданные большой цели, как Сабурова и Кольцова («Единственный свидетель»), «Чрезвычайный посол»), и особенно с нежной проникновенностью созданные образы просто хороших советских женщин, честных, совестливых, порядочных в самом глубоком смысле слова: Наталья Гавриловна в «Гнезде глухаря», Диана Барабанова («Ретро»), актриса Замятина («Репетитор»), Случайная Старуха («День победы среди войны»). Вот эта последняя роль — такое мудрое, жизнелюбивое, обнадеживающее спокойствие, стойкость и душевная красота. В современной пьесе нельзя играть без чувства современности, а она в высшей степени присуща актрисе.

В коллективе театра драмы Эра Васильевна — необходимый и незаменимый человек, чуткий, душевный, ответственный, много лет постоянно избирается в партбюро (секретарь, зам. секретаря, редактор стенгазеты). Многие годы большая ответственная работа вне театра — член райкома, депутат облсовета. Жизнь для людей, творчество для людей — гармоничное и красивое бытие.

А. АЛЕКСЕЕВА.